

Проваторова О.Н.

ГОУ ВПО «Оренбургский государственный университет»

E-mail: olgaprovatorova@yandex.ru

ПРОБЛЕМА РУССКОГО НАТУРАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

В статье представлены и проанализированы разнообразные точки зрения на проблему русского натурализма советских и современных литературоведов и на их основе русский натурализм определен как отдельный литературный метод, который возник в конце XIX века, сложился и реализовал себя в произведениях писателей второго и третьего ряда и в массовой литературе.

Ключевые слова: натурализм, золаизм, проблема русского натурализма, художественный метод, литературное направление, писатели второго и третьего ряда, массовая литература.

Проблема эстетической сущности русского натурализма, его генезиса, влияния натурализма на литературный процесс, а также проблема принадлежности к нему тех или иных писателей является весьма актуальной.

В советском литературоведении с середины 1930-х годов XX века сложилась концепция, которая получила яркое выражение в книге Б.В. Михайловского «Русская литература XX века». Одной из главных мыслей в ней является та, что критический реализм к концу XIX века исчерпал свои силы и возможности, что «прогрессивно-демократические писатели (Вересаев, Куприн, Гарин-Михайловский, Гусев-Оренбургский, Телешов и другие) выступили как «хранители наследия» русской литературы XIX века, как продолжатели критического реализма, ее гуманизма и демократизма. Однако в новейшей исторической обстановке эти писатели, оставаясь на буржуазно-демократических позициях, не могли действительно «сохранить» принципы литературы XIX века, поддержать наследие критического реализма на той высоте, которой он достиг у предшественников» [1:22]. То есть Михайловским схема развития общественной идеологии механически была перенесена на развитие искусства, что методологически неверно, ведь при этом не учитывается специфика художественного творчества. «Теоретическая концепция общественной действительности и тот или иной принцип художественного воссоздания этой действительности – явления взаимосвязанные, но далеко не тождественные. Кроме того, стремление представить ход литературного развития в строгом соответствии с движением общественно-политической мысли неизбежно приводило к смешению акцентов, искажению пропорций при отборе и оценке реальных литературных явле-

ний», – отмечал Е.Б. Тагер, оценивая эту работу [2:142]. Так, для советских литературоведов почти 40 лет (с 1930-х по 1970-е годы) единственно верным был тезис о перерождении **критического реализма в натурализм**, который понимался почти исключительно как *отрицательное явление*.

Из работ о русском натурализме, появившихся в 1930-е годы, заслуживают внимания работы А.М. Линаина «К истории буржуазного стиля в русской литературе. (Творчество П.Д. Боборыкина)» [3] и Л.П. Гроссмана «Натурализм Чехова» [4]. Для настоящего времени литературоведческая значимость работ невелика, но статья Линаина, например, ценна тем, что в ней впервые исследуется творчество писателя второго ряда, а исследование Гроссмана – самой постановкой проблемы: творчество Чехова может и должно быть изучено в аспекте проблемы натурализма.

Для 1950-х годов характерно отрицание натурализма как художественной системы, акцент учеными делался лишь на антиреалистической его направленности. Это сказалось на научном уровне осмысления проблемы русского натурализма. Например, в вышедшей в 1956 году 10-томной «Истории русской литературы» П.Д. Боборыкину была посвящена отдельная глава как видному представителю натуралистического движения, но авторы подобную литературу называли реакционной [5].

В третьем томе «Истории русской литературы» под редакцией Д.Д. Благого (1964) натурализм также отождествляется с тенденциозно-«охранительной» и антидемократической литературой: «В русских условиях натурализм означал собой отступничество от великой борьбы за освобождение народа, измену традициям демократической и революционной литературы про-

шлого. Вот почему безыдейные романы, повести, рассказы Боборыкина, Потапенко, Вас. Ив. Немировича-Данченко, И. Щеглова и других находили сочувственный отклик в самой отсталой, обывательской части русского общества» [6].

По сути дела, в этих и других работах эстетика и практика русского натурализма не освещаются вовсе.

Важным этапом в исследовании русского натурализма являются 1970–1980-е годы XX века, когда в книгах и статьях советских литературоведов натурализм был впервые осознан как явление, которому необходима глубокая теоретическая и историко-литературная разработка [2, 7–10].

Однако вплоть до настоящего времени не выработано единого определения данного феномена. О том, что термин достаточно условен, говорил еще в 60-е годы XX века Е. Б. Тагер, отмечавший, что «судьба этого термина едва ли не является наиболее плачевной среди прочих литературоведческих терминов» [2:146]. В своей статье «Проблемы реализма и натурализма» исследователь приводит три значения данного термина: «некая эстетическая категория, чрезвычайно широкого и внеисторического содержания»; «вполне конкретная и локальная реальность литературной жизни определенного периода, литературная школа, выступившая в ряде национальных литератур под таким наименованием»; «литературное движение, объединенное общими идейно-историческими предпосылками, вне зависимости от того, какое именование это движение получило в истории и имело ли оно вообще какое-либо именование» [2:146].

Как верно отмечает современный исследователь О. М. Скибина, «ни одно литературное течение, ни один творческий метод не имеет такого количества синонимов для обозначения одного и того же способа освоения действительности, как натурализм: здесь и «натуралистичность», и «документальный реализм», и «копиизм», и «натуралистические веяния», и «высокий» и «низкий» натурализм, и «неонатурализм» [11:190].

Изучив довольно большой объем работ по проблеме натурализма, мы заметили, что большинство ученых, в своих исследованиях вынужденных так или иначе касаться этой проблемы, очень осторожно подходят именно к определению натурализма, стараются не конкретизировать его, а по возможности даже избежать.

Так, Е. Б. Тагер отмечает, что необходимо рассматривать натурализм «как внутренне закономерное явление, как художественное направление, обусловленное реальными историческими фактами, конструктивно целостное и не обязательно совпадающее с теоретическими декларациями, которые в ряде случаев могут и вообще отсутствовать» [2:148–149]. Также исследователь довольно осторожно говорит о том, что хотя русская литература не знала натурализма как «школы», но «сходное художественное направление, перекликающееся с важнейшими тенденциями зولاизма, можно все же обнаружить, хотя именовать его «натурализмом» еще более неудобно, чем аналогичные западноевропейские реалистические течения конца века» [2:151]. В итоге все же непонятно – «как школы» натурализма в русской литературе не было, но что-то похожее вроде бы есть.

А. Б. Муратов более решительно заявляет, что «натурализм в России распространения не получил и получить не мог» [12:57]. В доказательство этого тезиса он приводит исследования Б. Г. Реизова и Г. М. Фридендера о творчестве Достоевского и Чехова: «О близости Достоевского и Золя писалось неоднократно. «История одной семейки» в «Братьях Карамазовых», как показал Реизов, построена по схеме истории Ругон-Маккаров: сходную роль у обоих писателей играет проблема наследственности и среды; герои Достоевского упоминают в своих разговорах даже имя К. Бернара. Но оказывается, что, затронув те же вопросы, что и Золя, Достоевский использовал их для борьбы с натуралистическим пониманием человека» [13:147–158]. Сходные мотивы и темы (семья, наследственность, среда) имели у русского писателя прежде всего нравственно-психологический и национально-исторический смысл; и в этом своем качестве они противостояли «зولاизму» [14:349–354]. Но тут же он говорит о том, что в творчестве А. П. Чехова можно найти немало точек соприкосновения с натурализмом. Он вспоминает об объективности Чехова, об интересе его к «мелочам жизни».

Ученый делает вывод, что «натурализм не только не привился в русской литературе, он не стал даже ее периферийным явлением» [12:58], что теория Золя не способствовала появлению русского варианта натурализма. «Натурализм – не сумма отдельных признаков. Это определен-

ная концепция мира и человека. Появляется ли он в России как метод и система? На этот вопрос положительно ответить нельзя» [12:56].

В.И. Кулешова также не могут удовлетворить «односложные выводы» Е.Б. Тагера о том, что русская литература «не знала натурализма как школы», и в своей статье «Реализм Чехова в соотношении с натурализмом и символизмом в русской литературе конца XIX и начала XX века» он пытается ответить на вопрос: «Если в ней (в русской литературе) не было школы натурализма, то был ли сам натурализм, а если был, то в какой форме?» Исследователь приходит к выводу о том, что *натурализм – это литературное направление*. Но он делит его на «низкий» и «высокий»: «русский натурализм имел несколько разновидностей, и ценность их была различной» [7:22]. Также Кулешов говорит о том, что находящийся в руках «реакционно настроенного писателя» натурализм не может быть предпосылкой высокохудожественных произведений, ведет ко лжи в искусстве, а у писателей с «прогрессивными устремлениями» натурализм может служить предпосылкой реализма, вести к «непредвзятому, широкому изучению действительности, особенно тогда, когда изживают себя прежние концепции жизни, а новые, более высокие концепции еще не выработаны» [7:25]. Автор относит к так называемой «рядовой беллетристике» произведения Д. Маркевича, Д. Аверкиева, В. Авсеенко, Г. Данилевского.

К представителям «высокого» натурализма Кулешов относит «лирика» Глеба Успенского, «социолога-идеолога» Н. Щелгунова, «социолога-практика» А. Энгельгардта, «наблюдателя-аналитика» В. Короленко и «экспериментатора» Н. Гарина-Михайловского. Кроме того, по его мнению, «высокий натурализм» присущ и крупным писателям – А. Чехову, Л. Толстому, Ф. Достоевскому, Н. Лескову. Однако, как отмечает О.М. Скибина, оценивая данную классификацию В.И. Кулешова, «в основе подобного деления вновь лежат не принципы поэтики, а пресловутый «идейно-тематический подход» [11:191].

Противоположную точку зрения можно обнаружить в статье В.Н. Каминского, который определяет натурализм не как самостоятельное литературное направление, а как *часть реалистического направления*. Исследователь полагает, что *в русской литературе натурализм не сложился в самостоятельную художественную*

школу, «если не считать группировавшихся вокруг «Недели» русских золаистов» (так называемого «нового литературного поколения») [15:44], он считает, что «апология факта», преувеличение роли «документа», абсолютизация «естественных» законов «живой жизни» порождались в литературе кризисом идей, когда на время утрачивалось доверие к «универсальным» теориям и отмирающим «устоям веры» [15:42].

Статьи и диссертация С.И. Чуприна – серьезная попытка глубокого исследования проблемы натурализма. Ученый считает, что с уходом «классического» «золаизма» с исторической арены борьба между реализмом и натурализмом не прекратилась, так как натуралистические тенденции отличает способность к «протеизму», к эстетической мимикрии и симбиозу с другими художественными методами. *«Натурализм» в его «классической» форме был тенью реализма» <...>* [10:160]. В своих работах исследователь определил основную проблематику и пафос русского натуралистического романа 1880–1890-х годов XIX века, сделал интересные выводы об эстетических особенностях русского натурализма. Предложенный им метод изучения натурализма в русской литературе наиболее перспективен, хотя часть выводов, которые исследователь делает в своих работах, можно оспорить. Так, С.И. Чупринин попытался разграничить понятия *натуралистичности* и *натурализма*, охарактеризовав их с точки зрения эстетики. Натуралистичность у него – синоним рабской копиистки, бескрылости, аморфности, цинизма, порнографии, а натурализм он определяет как *«художественный метод, окончательно сформировавшийся во второй половине XIX века и обладающий собственным эстетическим кодексом, собственными эстетическими ресурсами и собственным арсеналом средств и приемов»* [10:125]. Исследователь Л.А. Иезуитова считает, что «излагая содержание этого эстетического кодекса, Чупринин постепенно сводит его к отвергнутой им натуралистичности, поскольку, по его мнению, натурализм второй половины XIX века установкой на «описательность, фактографизм, «объективизм» отступал от высот, завоеванных литературой» [9:229]. То есть Чупринин вновь приравнивает эти понятия друг к другу, не достигнув поставленной им изначально цели. В свою очередь Л.А. Иезуитова предложила свое раз-

граничение спорных понятий: «*Натурализм как тенденция развития самого реализма*» появился в России вместе с рождением реализма. *Натурализм как прием* был присущ и романтизму (существует даже термин – «натуралистический романтизм») и символизму (достаточно вспомнить романы Мережковского и Сологуба). Всякий раз натуралистическая тенденция имела особое функциональное значение. *Натурализм как фаза или стадия реализма* (не школа!) в гораздо менее четком, чем у французов, виде зародился в 80-90-е годы <...>. Под углом зрения принадлежности к натуралистическому движению должны быть описаны многие факты литературы, о которых известно, что они имеют отношение к натурализму, но неясно, какие его идеи и формы они представляют» [9:236–237].

В своем исследовании о натурализме исследователь А.А. Тарасова задает следующий вопрос: «Направлена ли эстетическая теория натурализма в защиту завоеваний реализма или против них?», отвечая на который, высказывается, что толкование термина «натурализм» как составной части реализма размывает границы литературного явления, превращает его в какой-то натурализм «без берегов». А это таит в себе двоякую опасность: то к натурализму причисляются многие явления подлинно реалистического искусства (такие, как «Фальшивый купон» Л. Толстого или «Остров Сахалин» Чехова), то с реализмом отождествляются явления отнюдь не последовательно реалистические (например, творчество Боборыкина). Разумеется, отдельные представители натурализма (и прежде всего – его основоположник Э. Золя) не порывали с реализмом и сыграли свою роль в его развитии. Но это не дает оснований не видеть разницы между эстетикой натурализма и эстетикой реализма» [8:285].

То есть исследователь однозначно разводит реализм и натурализм и считает одним из главных отличий натурализма от реалистического метода то, что «натурализм в этом потоке жизненных впечатлений теряет направляющие, определяющие вехи, что лишает его возможности *прогнозировать, предвидеть*» [8:285] (выделено А.Т.). Похожей точки зрения придерживается и Б. Сучков. Он отмечает, что *натурализм не следует реалистическим принципам, что он, скорее, «имитирует» реализм*. Ученый считает, что натурализм отличается от реализма не толь-

ко отсутствием социального анализа и способности к типизации, но также и тем, что уравнивает в изображении равнозначные по своему объективному содержанию явления действительности [16:209–210].

Е.Я. Поддубная в диссертации «Творчество И.Н. Потапенко и основные закономерности «массовой» литературы» (1979) доказывает тезис о том, что «именно в «массовой» литературе конца XIX века с наибольшей четкостью выявились характерные черты почти неизученного в литературоведении русского натурализма, который при всей своей недолговечности преломил в себе самые разнообразные влияния и сыграл свою роль на рубеже веков» [17]. Эта попытка – связать исследование натурализма с рассмотрением «массовой» литературы – правомерна.

Следующим этапом в исследовании натурализма на совершенно новом уровне стал 2000 год, когда в двухтомнике «Русская литература рубежа веков (1890 – начало 1920-х годов)», изданном ИМЛИ РАН, была опубликована статья В.Б. Катаева «Реализм и натурализм» [18]. Впервые ученый рассматривает русский натурализм не как составную часть более обширного реалистического направления, а как *самостоятельную художественную дефиницию*, соотносимую с реализмом по аксиологическому принципу, проводит четкую границу между поэтикой массовой литературы с ее фактографизмом и протоколизмом и новым качеством «большого» русского реализма, ориентированного на натуралистическую поэтику. Автор считает, что на рубеже веков «большой» русский реализм развивался на фоне широкого движения, представляющего собой иной качественный уровень реалистического творчества, к которому приложимо определение «натурализм». По мнению исследователя, эта граница заключается в наличии или отсутствии «героецентризма» или «героецентрической» модели текста, которая утвердилась в литературе критического реализма. У писателей-натуралистов эта модель приняла форму шаблона: «Писатели-натуралисты, используя выработанную до них модель, строили свои произведения, как правило, по единому шаблону. Толстой и Чехов, раздвигая границы реализма, исследовали новые пути и модели выражения художественного смысла. Писатели-натуралисты абсолютизировали лишь один из возможных, «геройный» компонент в пост-

роении литературного произведения, сосредоточивались в первую очередь на миметической стороне своих творений. Ни по-настоящему новых героев, ни обновления художественного языка при столь шаблонном использовании традиции не было найдено» [18:200]. Ученый отмечает, что там, где писатель-натуралист «ограничивается конструированием персонажа, наделенного актуальными признаками «героя времени», у писателя-реалиста герой – лишь одна из проекций авторского видения мира. Натуралистическая проза отвечала ожиданиям читателей, которые были воспитаны критическим реализмом XIX века, строго герооцентрической моделью текста.

Исследуя явление русского натурализма, Катаев рассматривает еще один аспект проблемы – изучение повествовательных моделей [19:14]. Исследователь считает плодотворным именно такой подход, который «соотносит массовую литературу, творчество забытых ныне писателей с теми, вокруг кого они группировались, кто создал признанные шедевры и кто не укладывался в натурализм ни как в «школу», ни как в «направление» [19:31].

В натурализме и реализме, по В.Б. Катаеву, по-другому распределены новации в коммуникативной триаде «материал – писатель – читатель». Натурализм способен к новаторству лишь в первом члене триады – в выборе темы. Два других компонента ориентированы только на штамп. Реализм же сосредоточен исключительно на поиске новых путей выявления художественного смысла и его донесения до читателя.

В.Б. Катаев к писателям-натуралистам относит писателей «второго ряда», «массовую литературную продукцию золаистского типа» [18:13] – Альбова, Баранцевича, Боборыкина, Мамина-Сибиряка, Потапенко и некоторых других, «не совсем забытых, переизданных уже в наше время, а значит, читаемых» (11:194). Эти писатели уже не просто образуют фон, на котором яснее вырисовывается творчество выдающихся художников слова, но в некоторых своих моментах их опережают. «Не считая себя натуралистами, они все же были ближе к нему по способу сочетания «новизны материала» и «эпигонской вторичности» в его организации. Беда натурализма в том, что к нему скатывались те писатели, которые не имели достаточного таланта для того, чтобы стать реалистами» [11:194].

О.М. Скибина обозначает проблему русского натурализма еще резче, считая, что история русского натурализма не написана до сих пор потому, что огромная по объему массовая литература 1880–1890-х годов XIX века, которая является своеобразным хранилищем поэтики натурализма, до сих пор не исследована.

Одной из последних работ, где рассматривается проблема натурализма, является докторская диссертация С.И. Щеблыкина «Романы П.Д. Боборыкина в контексте русской прозы второй половины XIX века» (2006) [20]. В исследовании автор предлагает несколько иную терминологию: «просто *натурализм* (курсив С.Щ.) как малохудожественная, а подчас и вовсе нехудожественная литературная работа, и тогда это, конечно же, не метод, и – *художественный натурализм* как специфическая линия (иногда называют неудачным словом «ответвление») реализма. В этом случае художественный натурализм также не надо выделять в особый метод. «Он часть реалистического метода, часть художественной системы реализма» [20:130]. Исследователь убежден в том, что «художественный натурализм – это очередной и во многом плодотворный этап в развитии искусства реализма как системы литературного повествования, «<...> включение художественного натурализма в границы развивающегося реализма не приводит к размыванию устоявшихся понятий о реализме как методе» [20:127].

Мы привели различные точки зрения на проблему русского натурализма и готовы сделать следующие *выводы*:

1. На сегодняшний день нет однозначной точки зрения на натурализм. Определения, которые даются учеными этому явлению, часто диаметрально противоположны, используются различные термины для характеристики натурализма («самостоятельная художественная дефиниция»; «сходное с реализмом художественное направление»; «литературное направление»; «самостоятельный художественный метод», «имитация реализма»).

2. Утверждения о том, что «натурализм в России распространения не получил и получить не мог», что он не стал даже ее «периферийным явлением», чересчур категоричны, так как при исследовании этого явления вне поля зрения ученых остается большой пласт массовой литературы XIX века, которая в основном и является натуралистической.

3. Разногласия мнений о русском натурализме связана, на наш взгляд, прежде всего с тем, что каждый из исследователей при анализе явления натурализма опирается на литературу разного рода (классику, беллетристику, массовую литературу). Мы вслед за В.Б. Катаевым, В.И. Кулешовым, О.М. Скибиной, С.И. Чуприниным определяем натурализм как отдельный литературный метод, который возник в конце

XIX века, сложился и реализовал себя в произведениях писателей второго и третьего ряда и в массовой литературе и характеризуется протоколизмом, фактографизмом (фотографизмом), натуралистическими подробностями в описаниях, сценах и портретах персонажей.

4. Вполне закономерно учитывать влияние натурализма на творчество писателей первой величины.

Список использованной литературы:

1. Михайловский, Б.В. Русская литература XX века / Б.В.Михайловский. – М., 1939.
2. Тагер, Е.Б. Проблемы реализма и натурализма / Е.Б.Тагер // Русская литература конца XIX – начала XX в. Девяностые годы. – М., 1969.
3. Линин, А.М. К истории буржуазного стиля в русской литературе. Творчество П.Д.Боборыкина / А.М.Линин // Изв. Рост.-на-Дону пед.ин.-та. – т.VI. – 1936. – С. 51–135.
4. Гроссман Л.П. Натурализм Чехова / Л.П.Гроссман // От Пушкина до Блока: Этюды и портреты. – М., 1926. – С.294.
5. История русской литературы: В 10 т. – М.-Л., 1954. – Т.10.
6. История русской литературы: В 3 т. (под ред. Д.Д.Благого). – М., 1964. – Т. 3 (о натурализме см. с. 548–549, с. 689–693).
7. Кулешов, В.И. Реализм Чехова в соотношении с натурализмом и символизмом в русской литературе конца XIX и начала XX в. / В.И.Кулешов // Чеховские чтения в Ялте. – М., 1973; 8. Тарасова, А.А. Что такое «неонатурализм»? / А.А.Тарасова // Литературно-эстетические концепции в России конца XIX – начала XX в. – М., 1975.
9. Иезуитова, Л.А. О натуралистическом романе в русской литературе конца XIX – начала XX в. (П.Д.Боборыкин, Д.Н.Мамин-Сибиряк, А.В.Амфитеатров) / Л.А.Иезуитова // Проблемы поэтики русского реализма XIX века. – Л., 1984.
10. Чупринин, С.И. «Фигуранты» – среда – реальность (К характеристике русского натурализма) / С.И.Чупринин // Вопросы литературы. – 1979. – №7.
11. Скибина, О.М. Творчество В.Л.Кигна-Дедлова: Проблематика и поэтика / О.М.Скибина. – Оренбург, 2003.
12. Муратов, А.Б. Проза 1880-х гг. / А.Б.Муратов // История русской литературы: В 4 т. – Л., 1983. – Т.4.
13. Реизов, Б.Г. Борьба литературных традиций в «Братьях Карамазовых» / Б.Г.Реизов // Из истории европейских литератур. – Л., 1979.
14. Фридендер, Г.М. Реализм Достоевского / Г.М.Фридендер. – М.–Л., 1964.
15. Каминский, В.И. К вопросу о гносеологии реализма / В.И.Каминский // Русская литература. – 1974. – №1.
16. Сучков, Б. Исторические судьбы реализма / Б.Сучков. – М., 1973.
17. Поддубная, Е.Я. Творчество И.Н.Потапенко и основные закономерности «массовой» литературы: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Е.Я.Поддубная. – Л., 1979. – С.2–16.
18. Катаев, В.Б. Повествовательные модели в прозе русского натурализма (1890-е гг.) / В.Б.Катаев // Вестник Моск. университета. – Сер.9. Филология. – 2000. – №2.
19. Катаев, В.Б. Натурализм на фоне реализма (о русской прозе рубежа XIX – XX вв.) / В.Б.Катаев // Вестник Моск. университета. – Сер.9. Филология. – 2000. – №1.
20. Щельякин, С.И. Романы П.Д.Боборыкина в контексте русской прозы второй половины XIX века: [Электронный ресурс]: Дис. ... доктора филол.наук: 10.01.01. – Тамбов: РГБ, 2006.

Provatorova O.N.

The problem of Russian naturalism in modern study of literature

In this article different viewpoints of soviet and modern specialists in study of literature on the problem of Russian naturalism are presented on the base of which the Russian naturalism is determined as separate literary method which was originated at the end of XIX century and founded and realized itself in works of writes of the second and third line and in mass literature.

Key words: naturalism, zolaism, the problem of Russian naturalism, artistic method, literary trend, writes of the second and third line, mass literature.

Сведения об авторе: Проваторова Ольга Николаевна, преподаватель кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, кандидат филологических наук. 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, тел.: (3532) 372436, 643461, 89128450790, e-mail: olgaprovatorova@yandex.ru